

Андрей ДОБРОЛЮБСКИЙ

Город Витрувия и Де Волана

"Произведение архитектуры... должно отвечать требованиям эвритмии-гармонии — прочности, пользы и красоты..."
Витрувий. "De architectura".

Античные принципы закладки и обустройства едва ли не всех городов на юге Украины, основанных во второй половине XVIII века, объясняются духом и соответствующей модой эпохи классицизма. Ее девиз сформулировал "отец археологии" Иоганн Иоахим Винкельман: "Единственный способ для нас быть великими, если возможно, неподражаемыми — это подражание древним". В этом отношении первый план Хаджибея-Одессы, составленный де Воланом зимой-весной 1794 года, свидетельствует, что Одесса была задумана как античный город с самого начала. В нем де Волан воплотил в жизнь древнейшие традиции и опыт градостроения античной цивилизации, который был обобщен римским архитектором и инженером Марком Витрувием Поллионом в трактате "De architectura".

В античной ментальности любые существенные действия, заполняющие человеческую жизнь: рождение, брак, смерть, основание города, храма или дома, освоение новой территории и т. п. — обладала значением и ценностью не сами по себе, а как повторение мифологического, идеального образца, как воспроизведение некоего прайдействья. Это — предствление об отделеении богами тверди от хляби, о выделении упорядоченного пространства из первозданного хаоса как об изначальном акте творения. Овладение новой землей, будь то на основе ее захвата, будь то в результате открытия, становилось подлинно реальным в переживании каждого, только если с помощью точно исполненного ритуала в нем обнаруживалось повторение изначального мифологического акта творения.

Так, в частности, объяснялись обряды закладки городов у древних римлян еще в эпоху Ранней империи. Проведя ночь у костра, основатели будущего города втыкали в землю шест (или копьё), следя за тем, чтобы он стоял строго вертикально. И когда шест, озаренный первым лучом восходящего солнца, отбрасывал на землю длинную тень, по ней поспешно проводили плугом борозду, определявшую направление первой главной улицы — "декумануса" (decumanus ager — поле, с которого взимается десятая часть продуктов); к ней выставлялся перпендикуляр, становившийся второй главной улицей — "кардином" (cardinis — ось, небесный полюс, граница). У места их пересечения возникало ядро города, центр, одновременно деловой, общественный и сакральный. Происходило как бы заклятие неупорядоченной первоздан-

ной природы; на ее хаотическую пустоту, повторив первичный акт творения, оказывалась наложенной четкая геометрия порядка и воли.

Видимо, все эти соображения были органично присущи основателям Одессы, "культурным героям" классицизма — Иосифу де Рибасу и Францу де Волану: "В тот же день (рождения Одессы, — А. Д.) была проведена первая борозда для фундаментов городских строений" [1, 8]. Это означает, что основатели города строго соблюдали античные ритуальные действия. Действительно, в Римской империи, от Атлантики до Двуречья и Причерноморья, возникают схожие города, с одной и той же основной, "декуманусной" магистралью, которую в центре пересекает другая магистраль "кардина"; у их скрещения одна и та же площадь, на которой стоят одни и те же здания: базилика, храм Капитолийской триады, рынок, храм императора. Неподалеку от центральной площади находятся термы, амфитеатр, театр или цирк — место для зрелищ, тоже носивших сакральный характер. В определенное время там происходил выборы руководства гражданского коллектива.

Несмотря на греческие наименования, новые города в Российской империи, основанные во второй половине XVIII века на отвоёванных территориях, планировались по римским образцам. Это наблюдается решительно во всех случаях. Чаще всего это происходило без учета условий местности — сетка прямоугольных кварталов, рассеченных меридиональными и широтными улицами, механически накладывалась на избранное для города место. Отклонения от меридиональной ориентировки немногочисленны и допускались лишь в связи с существенными ландшафтными помехами.

Незначительно отклонялись от меридиана и основные улицы Одессы и Овидиополя — городов, проектировавшихся де Воланом. Попробуем проникнуться его замыслом первого плана Одессы.

"План города Гаджибея", разработанный де Воланом и утверждённый Екатериной II 27 мая 1794 г., считается первым основным проектом города. Это эскизная схема, из которой впоследствии заимствовали размеры кварталов, улиц и принцип композиционного построения. Отклонение от строгой меридиональной ориентировки в литературе объясняется необходимостью использовать естественную параллельность Военной и Карантинной балок и сместить тем самым трассировку ведущих к морю улиц Военного форштадта от строгой оси север — юг. Это, на первый взгляд, кажется очевидным.

Между тем известно, что план составлялся де Воланом на местности зимой 1794 г. Именно в это время солнце над Одессой вос-

ходит с отклонением к юго-востоку. Солнечные лучи в середине зимы идут вдоль улиц параллельных нынешней Ланжероновской. Азимут восхода солнца, считаемый от точки севера по часовой стрелке, в середине января (по старому стилю) составляет около 120 градусов*). Это означает, что упомянутый "принцип композиционного построения" оказывается в полном соответствии с описанным древнеримским ритуалом "декумануса" как раз для того времени года, когда составлялся "План..." (левый рисунок).

Действительно, на рассматриваемом "Плане..." ряды улиц, параллельные нынешней Ланжероновской, направлены к точке восхода солнца в январе, а потому образуют линии декумануса. Тогда все перпендикулярные улицы (параллельные нынешней Ришельевской) образуют линии кардина. Изначальное деление Одессы на кварталы и участки, таким образом, восходит к древнейшим римским сельскохозяйственным нормативам распределения земли. "План...", таким образом, доказывает, что римская градостроительная идея в него была заложена еще на уровне первичного замысла.

Место, где де Волан с де Рибасом установили символическое "копье", "маркируется" археологически обнаруженным в 1995 г. обрядом основания Одессы. Этот обряд был совершен при закладке первого дома Одессы 22 августа 1794 г. (по старому стилю) [2, 218 — 221] примерно полгода спустя после составления "Плана города Гаджибея", который Одессой еще тогда не был назван. Но участники обрядового действия заранее вели себя, как античные "культурные герои", "обустройствающие" будущий город (ритуальное возлияние, закладка монеты, сломанное оружие и т. п.)**. Именно эту точку де Волан обозначил его исходным центром. И, если находиться в этой точке на незастроенной местности при восходе солнца в середине января, то оно встанет над морем, прямо над Карантинной балкой, в том месте, где в нее ведет нынешний Ланжероновский спуск.

Сказанное позволяет полагать, что пер-

*) Вычисления проведены А.П. Челомбитско (астрономическая обсерватория Одесского университета). Все азимуты вычислены от точки севера на восток, по часовой стрелке. Максимальное значение азимута восхода Солнца 22 декабря (по новому стилю) — 125°, минимальное, 22 июня — 55° (округление с точностью до одного градуса).

**) Точно на этом месте, в кофейне грека Симона Аспорида, встретил Иосиф де Рибас утром 14 сентября 1789 г. восход солнца — солнца своей победы над Хаджибеем (азимут 90 градусов). Хаджибей пал между 4 и 5 часами утра. Солнце в этот день восходило точно на востоке (см. выше).

вой главной улицей Военного форштадта — декуманусом — была задумана будущая Ланжероновская улица. Тогда кардином становилась будущая Ришельевская. Этим де Рибас с де Воланом предопределяли общественный и сакральный центр города. Здесь был заложен первый дом — князя Г.С. Волконского. И, как известно, первый социокультурный эпицентр будущей Одессы в конце XVIII — начале XIX в. (дом Ришелье, театр, гостиница Рено, аристократический клуб, коммерческое казино, ресторация Оттона, биржа, дворец Ланжерона, плац-парад) образовался именно здесь же.

Военная и Карантинная балки используются как спуски из города в порт, с ними же увязана и трассировка "кардинных" и "декуманусных" улиц. Получается, что не одна лишь естественная параллельность балок предопределяла отклонение этой трассировки от строгой линии север — юг, а их изначальная "кардинная" направленность. Это обусловило выбор де Воланом на побережье залива такого конкретного плато, где планировка оказалась бы в полном соответствии как с античной градостроительной традицией, так и с условиями местности. Именно плато, ограниченное "кардинно" ориентированными Военной и Карантинной балками, отвечало нужным условиям — лишь на нем можно было оптимально соединить систему прямых улиц с требованиями античного обряда. Так было выделено основное, "сакральное" ядро будущего города. Его западная, "профанная" часть (Греческий форштадт) проектировалась уже на другом плато, под углом 45° к основной сетке и рассматривалась как периферийная.

Однако и такая планировка Греческого форштадта оказывается не случайной. Если перенести на него "декуманусные" линии, то им будут соответствовать улицы, параллельные нынешней Тираспольской, а "кардинные" — Нежинской. В таком случае азимут восхода солнца составляет около 75 градусов. Такое расположение улиц Греческого форштадта соответствует линии декумануса на 22 августа по старому стилю — день основания Одессы. В этот день солнце восходит ровно под углом в 45 градусов по отношению к плану Военного форштадта, одинаково равномерно освещая, таким образом, его декуманусные и кардинные улицы. Можно видеть, что день торжественной закладки Одессы был избран ее основателями заранее и сознательно, из вполне научных соображений.

Можно видеть и другое — именно в день рождения Одессы "кардинная" ось Греческого форштадта, по замыслу де Волана, становится солярной осью для всего города, его действительным "небесным полюсом". В таком случае солярный центр Одессы оказывается на стыке Военного и Греческого фор-

Александра СВИРИДОВА

Смерть Варлама Шаламова

"Крайне бестолков, задаваемых вопросов не осмысливает. Пытался укунить врача".

Последняя запись в истории болезни В. Шаламова.

17 января 1982 года в центре страны, в столице СССР городе Москва, остановилось сердце Варлама Шаламова. Писателя-летописца ада, созданного советскими людьми для своих же — соседей и родственников. По праву человека, сделавшего в 1990 году первый фильм о нем, я стараюсь напоминать о том, что он был. Только что — в то самое время, когда мы были и ходили с ним одними улицами. И не знали... Ни прозы его, ни его самого. Фильм вышел только в 1991-м — после провала августовского путча ГКЧП.

С тех пор меня не раз спрашивали, как возник интерес к В. Шаламову. И я признаюсь: не было у меня интереса. Не было даже такого слова — "Шаламов". Была Украина, маленький южный город, заросший акацией, август пятьдесят первого. Я появилась на свет в чудом уцелевшей после войны семье и лет до пяти жила в благости неведения. У меня была самая лучшая бабушка, за которую можно спрятаться, если за тобой гонятся, и которая вылечит от всего, если что-то болит. В соседнем городе был папа, который слал телеграммы на красивых бланках с цветами. И ветром вокруг кружилась самая красивая на свете мама. Такая красивая, что на нее было

больно смотреть, как на солнце. Ее было видно издалека, как пожарную каланчу у базара: такая высокая. С выщипанными каштановыми волосами, тонким профилем, горделивой осанкой и царственной походкой. К ней у меня был интерес: где она, куда ушла, когда придет. Мама тоже лечила больных, но не ласково, как бабушка, а строго. И длинные красивые ее пальцы были холодными, а бабины — теплыми даже зимой.

Мир вокруг был понятным, состоял из травы и деревьев, птиц на ветках, кошек под ногами, собак в подворотнях и лошадей, что, цокая копытами, тащили телеги по бульварной мостовой. Когда настало время идти в школу, город зашелестел, как крона акации в дождь, все зашептались, и два новых слова вторглись в быт: "двадцатый съезд". Кто-то входил в нашу маленькую квартиру, брал какую-то книгу, какую-то оставял. Бабушка заваривала из муки клейстер, подклеивала рассыпавшуюся газету, в которой все что-то читали. Кто-то всхлипывал, кто-то плакал. Потом бабушка стала дважды проверять, заперла ли дверь. Прислушиваться к маминим шагам, когда та поздно возвращалась домой. А потом и вовсе они стали поднимать тяжелый чугунный болт, висевший в углу в коридоре еще "с погромов", как говорила бабушка, и накидывать его на ночь на крюк, запирая дверь изнутри. А в переулках слева и справа от нашего квартала появились новые люди. Разные,

но с одинаково белесыми лицами и жадными цепкими глазами. Сосед Колюня окликнул меня, когда я шла с маленьким бидончиком к цистерне за молоком, и важно представил "брательнику". Тот придирчиво оглядел меня, спросил, где батя, выслушал, что он с нами не живет, и одобрительно кивнул. А дальше другие пацаны расхвастались другими "брательниками", что "откинулись" с зоны, и улица разделилась: одни обступали брательников, слушали их рассказы, другие, убаюкивая шаги, проходили мимо. Пацаны брательниками гордились. Они умели то, чего не умел никто, и учили нас: играть пустыми руками в "тюремное" "очко" или в "ножичек", когда описывали круг на земле, делили пополам на твоем и так мастерски бросали в кружочек нож, что все "твое" отрезалось по ломтику и становилось "мое". Учили кидать и нас: из положения сидя, потом — с колена, потом — с высоты полного роста. Учили делать финки из осколков пилы, а из цветных зубных щеток — наборные рукоятки. Никогда я не гордилась собой больше, чем в день, когда попала финкой в мишень на заборе, и не было выше похвалы, чем одобрение старого урки. Потом по городу прокатилась волна грабежей и убийств, и брательников с финками, фиксами, татуировками у пацанов не стало. Не стало и многих пацанов. А потом в сумерках кто-то стукнул в наше окно, мама спросила: "Кто там?" — открыла дверь, вскрикнула и ухвати-

лась за дверной косяк, чтобы устоять. На пороге стояла красивая женщина. Одного с мамой роста и на одно лицо. Только волосы у нее не вились, а лежали гладко и были белыми. Да сухая бледная кожа на щеках, как у брательников. От нее разило табаком, как от них, а стоило ей улыбнуться, как блеснул во рту железный зуб. Это была мамаи доверенная подруга Леля.

Они родились в одном городе в один день одного года. Вместе пошли в школу, вместе окончили ее. На рассвете после выпускного пришли с Днепра и услышали: "война". Обе остались в городе, обе стали подпольщицами. Моей — "повезло", как сказала Леля: ее арестовало гестапо; а Леле — нет: ее взяли свои, когда освободили город. И обвинили в том, что она выдала подпольщиков. Вместе с полициями и гестаповцами осудили по страшной 58-й статье, пункт "А" — "измена Родине" — и сослали на Колыму. Она выжила там, осталась после освобождения медсестрой в Сусумане, и вот — впервые приехала в отпуск.

Леля не знала, кто помнит ее в Херсоне, кто верит, что не выдавала она никого. Мама и бабушка мои верили, и Леля осталась у нас ночевать. Я смотрела на них и выискивала, что у них разного — словно боялась наутро не узнать, какая из них — моя. А ночью, когда бабушка ушла на дежурство в военный госпиталь, что был через дорогу напротив нашего